

ратов. *Парацельс* уповал и на *питьевое золото* (коллоидный, красного цвета, раствор золота). Алхимические реминисценции на уровне организма замыкают алхимию на *микрокосмос* — на человека. Целение металлов еще остается. Но главное — это *натрохимическое* целение человека. Но тут-то и возникает оккультный антипод земным целям: *Парацельсовы духи Архей*, многочисленные *арканы*, в мишурном блеске которых сначала меркнут, а потом и вовсе обесцвечиваются эмпирические факты, открытые *Парацельсом* (*tartarus vini* — *винный камень на дне винных бочек, первое (?) описание цинка* как еще одного металла, установление нетождественности *квасцов* как «земли» *купоросу* как «металлу», качественное различие *ковкости веществ* — и в связи с этим деление их на *металлы* и «*полуметаллы*»). *Трансмутация металлов* у *Парацельса* отодвинута на второй план. Трансмутирующийся исцеляющийся организм — достойный заменитель угасающей *злато-сереброискательской* идеи; качественно иной заменитель.

Новые идеи *Парацельса* противостоят традиционной средневековой алхимии. Противостоят, но и генетически связаны. Лишь целостный текст свидетельствует новый стиль, новое мироощущение, пир ренессансной всеядности.

Ренессансная алхимия окончательно утрачивает — по сравнению с Александрией — былую, пусть мишурную вещественность, вырождаясь в мистериальный карнавал с чертами грядущего барокко. Это время в жизни алхимии характеризуется неуправляемым расцветом демонологических и оккультно-герметических увлечений неоплатоников Возрождения (как бы возвращение к истокам) с их рационально несвязанными коллективными переживаниями²⁰. Действуя вне артикулированных форм, алхимия являет нескончаемое пиршественное богатство творческих эмоций, довольствуясь бедностью осознанных идей (Аверинцев, 1972а, с. 152—153)²¹. Но и экстатический дух *деяния* скорее подспорье

²⁰ К. Маркс отмечает: «...Как раз тогда, когда люди как будто только тем и заняты, что переделывают себя и окружающее и создают нечто еще небывалое, как раз в такие эпохи революционных кризисов они боязливо прибегают к заклинаниям, вызывая к себе на помощь духов прошлого, заимствуют у них имена, боевые лозунги, костюмы, чтобы в этом освященном древностью наряде, на этом заимствованном языке разыгрывать новую сцену всемирной истории» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 119).

²¹ Вспомните идейное — именно идейное! — богатство *Парацельсовой* алхимии. Игнорируя естественный историко-культурный, историко-химический смысл позднесредневековой алхимии, иные исследователи описывают её как опустошенную оккультно-символическую фантазмагорию, лишенную какого бы то ни было содержания, как тупиковую пору в жизни алхимии. «Алхимические фантазии, — считает Э. Мейер, — достигли крайней степени сумасбродства к концу средневекового периода и началу нового времени. Дальше было идти уже некуда. Печальная картина состояния алхимии, раскрываемая перед нами, еще более омрачается тем обстоятельством, что в видах объяснения чудодейственной силы философского камня не стеснялись прибегать к помощи высшего промысла. Алхимия самым возмутительным образом эксплуатирует имя божие, молитвы и библейские изречения. На химию как науку алхимическое учение оказало очень ничтожное влияние. Как упомянутый